

Андрей Плеханов

Узоры для умных и тупых

Часть сборника
Фантастика 2002. Выпуск 3
(сборник)

Андрей Вячеславович Плеханов

Узоры для умных и тупых

Серия «Левый глаз», книга 2

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162052

Аннотация

«Большинство людей, встретившихся мне в жизни, говорит, что я умный. Многие – что я очень умный. Я тоже так считал, пока не произошла эта история. История, о которой я хочу рассказать.

Хуч тоже считал себя далеко не глупым парнем, хотя, честно говоря, когда мы встретились с ним, был он дурак дураком. Бедняга Хуч... Впрочем, обо все по порядку...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

23

Андрей Плеханов

Узоры для умных и тупых

«Жил-был царь, было у него три сына, и все – дураки. Один – debil, другой – имбецил, третий – идиот. Так вот, товарищи студенты, запомните по этой сказке три степени олигофрении, или, говоря по-русски, слабоумия...»

Из клинической лекции профессора О.Г. Кукушко

1

Большинство людей, встретившихся мне в жизни, говорит, что я умный. Многие – что я очень умный. Я тоже так считал, пока не произошла эта история. История, о которой я хочу рассказать.

Хуч тоже считал себя далеко не глупым парнем, хотя, честно говоря, когда мы встретились с ним, был он дурак дураком. Бедняга Хуч... Впрочем, обо все по порядку.

Познакомились мы с Хучем случайно. Произошло это так: однажды я приобрел очередной компьютер, пятый уже по счету, и обнаружил, что техника моя не умещается ни на столе, ни около стола.

Места в моем логове – хоть отбавляй. Я купил двухкомнатную квартиру три года назад, после того как сорвал ска-

зочный куш в виде заказа на рекламные щиты для пива «Альбатрос». Заказ был рассчитан человек на шесть, но я сделал работу в одиночку. Не жрал, не спал, непостижимым образом умудрился напечатать за десять дней тысячу квадратных метров постеров на раздолбанном «Новаджете». Этот слоган мелькал тогда в нашем Нижнем Новгороде на каждом шагу: **«Твой полет бесконечен. Пиво Альбатрос»**. На рекламных щитах белая океанская птица парила над морем пива, над волнами с золотистыми бликами. Красиво, но тупо – и слоган, и картинка. Фирма «Альбатрос» прогорела и была куплена набирающей обороты финансовой группой «Среднерусский пивовар». Один малоизвестный мудрец сказал: «Даже из попугая можно сделать образованного политэконома – все, что он должен заучить, это лишь два слова: Спрос и Предложение». Очевидно, «Альбатрос» оказался глупее попугая. Впрочем моей вины тут не было – я лишь осуществил техническое исполнение и получил бабки.

За годы, проведенные в новой квартире, я так и не удосужился обставить их мебелью. Планы на этот счет имелись, но до осуществления их руки как-то не доходили. По правде сказать, я инертен во всем, что не относится к наружному дизайну, еде и выпивке. К тому же я не люблю излишней траты денег. Поэтому ветер из вечно открытых окон свободно гулял по пустым кубометрам моих апартаментов, ворошил полиэтиленовый мусор на полу. В рабочем кабинете

те – стол, офисное кресло, тройка принтеров, пара плоттеров, стайка компьютеров, рулоны бумаги и виниловой пленки-самоклейки. В спальне – древний продавленный диван и больше ничего. На кухне... Не буду описывать мою кухню, это слишком интимно. К тому же гарантирую – вам не понравится.

Как и у всякого завязаного компьютерщика, аппаратура моя находилась в полуразобранном виде, системные блоки стояли где попало, демонстрируя богатое внутреннее содержимое. Единственного письменного стола хватало только для пары больших мониторов. С каждым новым купленным компом мне приходилось покупать все более длинные соединительные кабели, они безбожно путались друг с другом, и я уже сам с трудом понимал, как все это умудряется работать одновременно и слаженно. Пятый компьютер переполнил чашу и разрушил зыбкое, на грани хаоса, равновесие. Мои компы объявили забастовку и дружно повесились.

Пока я воевал с хитромудрой техникой, приспособив под третий монитор единственную свою кухонную табуретку, пропиликал звонок – явился мой приятель Вадик.

2

Иногда малозаметное событие является предвестником чего-то серьезного, способного перевернуть всю вашу жизнь. Так и случилось – вышеописанный звонок провозгла-

сил начало первого акта драмы. Тогда я еще не знал этого. Думал, что все закончится обычным употреблением пива на кухне.

– Жмот ты, Митя, – сказал мне Вадик. – Денег у тебя до черта, а живешь как подплинтусный таракан, в антисанитарных условиях.

Мой старый приятель Вадик – специалист по художественному оформлению ротового фасада, проще говоря, зубной протезист. Закончил медицинское училище, поэтому понятие о гигиене имеет. Во всяком случае, в его квартире все вычищено и вылизано. Я сам видел.

– Ты прав, Вадя, – грустно согласился я и отхлебнул пива.

– Вот сидишь ты на ящике из-под бутылок, – продолжил нравоучение Вадик, – плющишь свою и без того плоскую задницу. А все почему? Потому что последнюю табуретку уволок. Разве это дело?

– Не дело, – кивнул я.

На табуретке, как я уже говорил, устроился третий монитор. Системный блок может и на полу притулиться, а вот монитору положено более высокое место, иначе ни черта не видно будет, а это уже непорядок. Мой рабочий офисный стул пришлось уступить Вадиду, как гостю. По большому счету, мне было абсолютно безразлично на чем сидеть – в кресле, на пластмассовом ящике или даже на полу. Хотя, смею заметить, на табуретке все же удобнее.

– Мне нужен хороший компьютерный стол, – признал-

ся я. – Я думал над этим вопросом, даже нашел кое-что в Интернете. Картинка там есть – не стол, а настоящий пульт управления звездолетом. Сказка, загляденье. Вот только как такое сделать? Сам не умею – руки не тем концом вставлены. А в фирму обратиться – разоришься. Видел я их цены...

– Все-таки ты жмот, – констатировал Вадим. – Правильно, зачем выкидывать бабки, если комп может и на табуреточке постоять. А что будет, когда следующий аппарат купишь? Кухонный стол туда поволочешь?

– Ну, не знаю... Поживем – увидим.

Вадик закурил, стряхнул пепел в обломок кокосовой скорлупы, служивший пепельницей, уставился на меня раздраженным взглядом.

– Знаешь, в чем твой дефект? – спросил он.

– У меня нет дефектов.

– Есть. Есть ярко выраженный дефект. Бывает такое: человек приятный, просто красавчик, одет с иголочки, а рот откроет – хоть стой, хоть падай. Зубы – как деревенский забор, половины штакетин не хватает, вторая половина – гнилая. И сразу видно – задница этот человек, на зубах экономит. Экономит на своем здоровье, на комфорте, на имидже своем. В общем, на самом главном.

Такой вот у меня друг Вадик. Любит философские обобщения. Только почему-то его жизненные примеры всегда облачены в стоматологическую форму.

– У меня зубы в порядке.

– Твои гнилые зубы – эта вот квартира, – Вадик ткнул пальцем в кучу грязных тарелок, за неимением буфета сваленных на подоконнике. – Зайти сюда страшно. Сам не понимаю, что делаю в этой помойке.

– Ты мой друг. Тебе приятно сидеть и пить со мной пиво.

– Противно мне. Если бы ты был бедным, я бы спонсировал тебя по дружбе, сам бы купил все, что нужно. Так ведь ты богаче меня в десять раз, жадюга.

– Плевать мне на материальные ценности, – я еще пытался обороняться, – не это главное в жизни, Вадик...

– А что главное?! – взорвался Вадим. – Жить в бомжатнике?! Что у тебя за жизнь? Никуда ты не ходишь. В телевизор таращишься да пиво лопаешь. Из хаты своей, по-моему, совсем уже не вылезает...

– Ну почему? А бильярд?

– Пошел ты со своим бильярдом!

Вадик поднялся на ноги и собрался уходить. Почему-то я понял, что уходит он навсегда. Это меня добило.

– Сдаюсь, – сказал я. – Будет у меня мебель. Завтра же приступлю к ее покупке. Может, посоветуешь чего?

3

Была у меня двоюродная тетушка – одна из малых веточек весьма разветвленного семейного древа. Прожила она всю жизнь в Костроме, в полном одиночестве, прошла длинный

жизненный путь от молодой девы – к деве старой – до просто старушки. Интеллигентная такая старушенция – работала библиотекарем (старшим). С пятидесятых годов сохранилась у нее привычка – выпивать каждый день, после работы, полбокала хорошего виноградного вина. Кажется, это было «Мукузани», хотя не исключено, что «Ркацители», или даже «Хванчкара» – точно не помню, лишние подробности стираются из памяти. Жила она, не тужила, отличалась отменным здоровьем, пока один из вредных докторов (все они вредные) не дал ей совет бросить пить. «Алкоголь – яд, – сказал он, – яд в любом виде и любом количестве. Вы разрушаете им свою печень». Было, это помнится, во время тотальной борьбы с пьянством под руководством генсека Горбачева. И тетушка, как дисциплинированный член партии, завязала с дурной привычкой.

На следующий день после безоговорочного отказа от вина тетушка оступилась на ровной дороге, упала и сломала ногу. Четыре месяца пролежала в больнице – кость плохо срасталась. Предупреждение было послано ей свыше, но она не вняла ему – предпочла верить в миф о разрушаемой печени. Через неделю после выхода из больницы мальчишки, игравшие во дворе в футбол, засветили тете мячом в лоб. Нечаянно, разумеется. И снова – месяц на больничном, сотрясение мозга. Вместо того, чтобы принимать многочисленные лекарства, ей нужно было выпить полстаканчика «Мукузани», и все в мире снова пришло бы в порядок. Но она упор-

но шла собственным путем. Шла недолго. Ее разодрал медведь. Факт невероятный, фантастический – больной облезлый медведь забрел из леса на улицу Костромы и напал на человека, совершающего вечерний моцион перед сном. Человеком этим оказалась моя тетя. Об этом написали все газеты Советского Союза. Вы можете сказать: причем тут вино, что ты несешь? Это просто дикое совпадение. А я так думаю – не зря совпало. В этом мире многие события происходят впустую, никчемно, никого ни к чему не обязывая, но в случае с моей тетушкой взаимосвязь налицо. Для меня это очевидно.

Нужно осторожнее обходиться со своими многолетними привычками. Пять лет, после развода со второй женой, я прожил в халупах без приличной мебели. И когда решил все-таки обзавестись ею, в довесок приобрел Хуча.

С тех пор, как я закончил институт, это оказалось самым серьезным изменением в моей жизни.

4

Хуча сосватал мне все тот же Вадик.

– Ты видел обстановку у меня дома? – спросил он. – Мебель видел? Все это сделал один человек. Один единственный. Коля его зовут. Я пришлю его к тебе. Он займется твоим сараем, приведет его в божеский вид.

– А какой он, этот Коля? – спросил я.

– Нормальный парнишка. Туповатый, правда, слегка привязчивый, но дело знает.

– Туповатый – и знает? – усомнился я.

– Он работает по журналам. Посмотрит на картинку и может сделать один к одному, как на западе. Талант у него такой, сам увидишь. А что в голове у него пусто... Тебе какая разница? Он же не на компьютере у тебя работать будет.

Такое объяснение меня убедило.

Хуч явился на следующий день, когда я еще спал, в жуткую ранищу – в одиннадцать часов утра. Сонно шлепая тапками по грязному линолеуму, я добрал до двери и спросил:

– Кто там?

– Насчет мебели пришли, – сказал голос снаружи.

Я открыл. На лестничной площадке стоял тощий долговязый парень и переминался с ноги на ногу. Его короткие белые волосы стояли дыбом. Под нижней губой выросла маленькая козлиная борода.

– Коля? – спросил я.

– Хуч, – сказал он и протянул огромную лапу с длинными, на удивление аристократичными пальцами.

Я пожал его руку.

– Хуч – это что такое? – поинтересовался я.

– Это я, – сказал он и ослабилась. – Ну это, типа, кликуха, погоняло у меня такое. Я привык.

Уже потом я узнал, что Хуч сам придумал себе это имя. Вроде бы, за любовь к одноименному напитку. Вот ведь как

забавно – по-английски Ноосh звучит вполне нормально, а по-русски – неприлично, как и любое короткое слово, начинающееся на «ху». Только придурок может выдумать себе такую кличку.

Рядом с Хучем стоял древний дерматиновый чемодан, обвязанный для надежности бельевой веревкой. В левой руке Хуч держал жестяную банку какого-то пойла. Открытую.

– Ты по-английски сечешь? – спросил он.

– Без проблем.

– Здорово! – обрадовался Хуч. – А ну-ка, переведи вот это, – он ткнул пальцем в надпись.

"Weak alcoholic drink"¹ – было написано там.

– Бухло для ослабленных алкоголиков, – перевел я.

– Ага, точно! В самый раз для меня, – парень подхватил свой чемодан и попер в прихожую. – Вадя сказал, те чо-то сделать надо. Давай смотреть...

Хуч делал стол две недели.

Возился он долго – видать, тянул удовольствие. Мешал мне работать. В чемодане у него оказались электродрель, электрорубанок, электролобзик и еще несколько приспособлений, производящих дьявольский электрический шум. Шум действовал на нервы мне и моим соседям. Соседи приходили разбираться, обещали пожаловаться в милицию, я откупился двумя бутылками дешевой водки. К тому же полкомнаты было теперь завалено ламинированными плитами,

¹ Слабоалкогольный напиток (англ.).

торцовой лентой, заглушками, роликами, анодированными саморезами... Названия этих предметов я узнал от Хуча – он произносил их с нескрываемым удовольствием, по сто раз в день. Я перекочевал в спальню, обустроил там рабочее место, пытался хоть как-то работать, сроки заказов поджимали... Хуч не оставлял меня и там. Он ежеминутно бросал работу и вился вокруг меня с жужжанием, как назойливая муха.

Диалог в моей спальне (я сижу на кровати и терзаю свихнувшийся «Фотошоп», Хуч просунул торсом в полуоткрытую дверь):

– Хозяин, можно на пару слов?

– Ну, что еще?

– Я тут вот что придумал: у тебя ведь три телевизора?

– Это называется мониторами.

– Йес. Три монитора. А потом, может, и больше будет?

– Может.

– Йес! Но они же тебе не все сразу нужны будут?

– Все сразу. Я же тебе объяснял...

– Ну и ладно. Все или не все... – Хуч чешет пальцами в белобрысой головенке. – В общем, я тебе типа пары тележек сделаю, на минироликах, чтобы телевизоры туда-сюда катались.

Опять телевизоры...

– Ладно, делай.

– А ролики какие поставить, черные или белые?

– Все равно.

– Понятно... – Хуч уже заполз в комнату всем своим длинным туловищем, как глист-интервент. – А ты чего тут делаешь?

– Графику.

– Какую?

– Графическую. Слушай, Хуч, иди отсюда, а? Не видишь, софт у меня не тянет. Совсем долбанулся, каждые полчаса перезагружаю.

– Софт – это что?

– Программное обеспечение.

– Давай я тебе все устрою, – уверенно предлагает Хуч. – Там, внутри, наверное, контакты окислились. Я те все зачищу, а если надо, запаяю.

Хуч уверен, что может починить все на свете. Он уже брался ремонтировать мой старый радиоприемник, в результате появилась горсть лишних деталей, приемник же как был трупом, так им и остался.

– Все, труба! – я с остервенением нажимаю кнопку перезагрузки и встаю на ноги. – Надо все заново устанавливать. Хватит с меня, отдохнуть надо. Идем пить пиво.

– Вау! – вопит Хуч.

Хуч питает слабость к английскому языку и даже заявляет, что учит его. Выучил он пока лишь три слова – «Йес», «Ноу» и «Вау», и вставляет их куда попало, к месту и не к месту.

Стол обошелся мне недешево, но получился шикарным – это следует признать. Правда, пользоваться я им не собирался, привык работать в спальне – меня и так устраивало. Вадик перехитрил меня: он заявился в гости, якобы для того, чтобы обмыть обновление в мебели, и напоил меня коньяком. А потом, пользуясь моим бесчувственным состоянием, перетащил всю мою технику в кабинет и расставил на столе в соответствии со своими эстетическими понятиями. Поручил при этом с трудом налаженную локальную сеть. Когда я очухался на следующий вечер, то обнаружил, что единственное, что мне остается – слепить все заново на новом столе. Что я и сделал, чертыхаясь и жмурясь от головной боли.

Это Хуч Вадику наябедничал. Но я не разозлился на Хуча. На Хуча вообще невозможно было злиться. К тому же я привык к нему.

Я в немалой степени раб привычки. Новое отторгаю с ходу, но уж если к чему привык – клещами не вырвешь.

Поэтому предложение Хуча построить в моей спальне кровать и стеллаж для книг я принял. В журнальных картинках я запутался – все интерьеры казались мне одинаковыми, лощено-глянцевыми, неестественно красивыми, поэтому мой палец ткнул в первую попавшуюся.

Полтора месяца я спал на полу в кабинете – Хуч, как все-

гда, не спешил. А потом я впервые улегся на новой кровати, на навороченный матрас за полторы тысячи баксов. Я накрылся свежим атласным покрывалом – его купил Хуч (за мои деньги, разумеется). Я лежал на спине и смотрел в потолок, оклеенный обоями со светящимися в темноте звездочками.

Я думал о том, что, оказывается, не так уж это и плохо – жить в красивой комнате.

Потом наступила очередь кухни.

По вечерам мы играли с Хучем в нарды и слушали рок-н-ролл по радио, настроенному на «Нижегородскую волну».

Нарды по сути своей – штука несложная. Если играешь давно, то комбинации выставляешь автоматически, и все зависит от везения, от того, как лягут кости. На Хуча эта закономерность не распространялась – с его глупостью он мог испортить любую партию, при самом феноменальном везении. Выигрывал всегда я, а если побеждал Хуч, то по одной причине – время от времени я поддавался. Меня это устраивало. Хуч радовался победе, как ребенок.

Потом Хуч начал осваивать американский пул – я взял его с собой в местную бильярдную, где играл каждую пятницу по пять-шесть часов подряд. Здесь дело пошло лучше чем в нардах, глазомер у парня был что надо, руки – точны и тверды. Через несколько месяцев Хуч выиграл первую сотню рублей у чеченца Руслана, и это означало, что он стал бильярдистом средней руки. Со мной, конечно, ему было не

тягаться, но в паре мы действовали довольно прилично.

Таким образом, с Хучем мы не то что сдружились, но скорешились. Он не обижался на мое покровительственное обращение, меня устраивало в нем полное отсутствие апломба, неприхотливость и незлобивость. Откровенно говоря, Хуч заполнил в моей жизни пустое место – огромное, как пустыня Гоби. После того, как я развелся со второй женой, отношения мои с женщинами как-то не налаживались надолго. Юные девушки, которые нравились мне, соглашались любить меня только за деньги, а ровесницы (это значит – под сорок), уже не вызывали особых симпатий.

Тогда я не думал об этом, но сейчас понимаю, что в то время Хуч стал членом моей семьи, младшим братишкой – добрым, симпатичным, умственно слегка неполноценным. Словом, таким, о котором приятно заботиться.

Никаких надежд на улучшение мозговой деятельности у него не предвиделось. Он забывал сложные слова, с трудом читал, и громко вопил свое «Вау» при каждом удобном случае.

Зато он никогда не ругался матом. В бильярдной его любили все – даже те юные девушки, которые не любили меня бесплатно.

6

Однажды Хуч сказал такую фразу:

– Какой процессор нужен для девяносто восьмого «Виндовса»? Двухсотый Пентиум потянет? Или слабоват будет?

Он озадачил меня. Несколько дней подряд он отсутствовал, бросив почти законченную работу на кухне. Телефона у Хуча не было, адреса его я не знал, а позвонить Вадику ленился – надеялся, что Хуч объявится сам по себе. Так оно и случилось. Объявился.

– Ты где был?

– Пиво пил, гы-ы... – Хуч любил общаться при помощи фраз из рекламы. – Мить, так двухсотый подойдет? Йес или ноу?

– Ноу, – сказал я, – не подойдет. На «двухсотку» нужно девяносто пятый ставить, не выше. Зачем это тебе?

– Я компьютер купил.

– Компьютер?!

– Да. Учиться на нем буду. Чтобы как ты быть. Графику делать. Я читал, что такая трехмерная программа есть, не помню как называется. Там можно чертеж мебели сделать и со всех сторон его смотреть, поворачивать.

– Читал? – переспросил я, не веря своим ушам. – Где читал?

– В книжке. Она про компьютеры.

Хуч полез в чемодан и выудил оттуда книжонку в желтой мягкой обложке. «WINDOWS-98 для чайников» – гласило ее название.

– Ну и как там, понятно что-нибудь? – спросил я, едва

удерживаясь, чтоб не сказать какую-нибудь ироничную гадость.

– А чо, нормально. Я думал, ничо вообще не просеку, а там типа все как по полочкам разложено. Шаг за шагом. По пять страниц в день – все понятно.

– Поэтому тебя три дня не было?

– Ага. – Хуч ослабился. – Йес.

– Ты лежал кверху пузом и читал эту дребедень?

– Йес.

Я открыл книгу на первой странице.

– Что такое «Виндоус»?

– Это операционная система.

– Рабочий стол – это что?

– Ну, это то, что на экране. Там иконки нарисованы. Когда по иконке щелкаешь, запускается программа...

Я устроил небольшой экзамен и выяснил, что Хуч добросовестно усвоил текст, и даже выучил его большими кусками. В принципе, ничего сложного – подумаешь, книжонка для «чайников». Только не для Хуча.

Одно из двух – либо он совершил трудовой подвиг, либо неожиданно поумнел. Я не верил в чудеса и склонялся к первому предположению. Как вскоре выяснилось, я ошибся.

Хуч доделывал кухню долго, урывками, постоянно пропадая на несколько дней. В те дни, когда он все-таки появлялся, то не столько работал, сколько торчал у меня за спиной, наблюдал за трудовым процессом и задавал вопросы, стано-

вившиеся все более изощренными. А потом начал давать и советы. Я отмахивался от него, как от назойливого насекомого.

Доконал он меня через неделю, когда помог справиться с неразрешимой до сих пор проблемой глючащего «Фотошопа». Запинаясь и путаясь в словах, Хуч пояснил мне, как изменить настройки программы. При этом выяснилось, что он поставил «Фотошоп» на свой домашний компьютер и успел изучить его вдоль и поперек.

– Хуч, – сказал я тогда, – признавайся, что с тобой случилось. Колись, братишка. Ты прямо как тот парень из «Газонокосильщика» – умнеешь на глазах. Это меня пугает. Так просто это не случается.

Голубые глазки Хуча забегали, длинный нос шмыгнул, рука привычно полезла в соломенный затылок. Хуч смутился.

– Это... Ну как сказать... Плитка у меня в туалете такая. Я когда в толчке сижу, на плитку смотрю и умнее становлюсь.

– А водицу из унитаза не пьешь? Для просветления разума?

– Не, ну ладно прикалываться. Я те правду говорю. Приходи ко мне, сам увидишь.

Так я попал в гости к Хучу.

Хуч, оказывается, был счастливым обладателем отдель-

ной квартиры. Квартиру купила ему мать – еще в советские времена, про запас. Маманя Хуча была директором овощебазы, могла позволить себе такое. Что можно сказать о квартиренке Хуча? Суший недомерок – кухня малюсенькая, комната в двенадцать квадратных метров. Единственная роскошь – отдельные туалет и ванна, то и другое микроскопических размеров. Оглядел я эти апартаменты, хмыкнул – мебель самопальная, корявая, все в недоделанном и полуразобранном состоянии. В нашей стране сапожник должен обходиться без сапог – традиция обязывает.

Пришел я не просто так, притащил Хучу системный блок с Пентиумом-II – мне такое старье было уже без надобности, а парню в радость. Подарок надлежало обмыть, чем мы немедленно и занялись. Тяпнули пивка, причем весьма основательно, эффект усугубили водочкой, и уже через час я почувствовал необходимость посетить туалет. Поскольку градус я набрал к тому времени немалый, то журчать сверху не стал, промазать боялся, а спустил штаны и чинно сел сверху. Тут и вспомнил о мифической плитке, делающей человека умнее. Пьяно пошарил взглядом по стенам...

И тут меня прошибло. Показалось, что окатило ледяной водой – настолько сильным было ощущение. Хмель сошел в долю секунды, я сидел на унитазе, дрожал от холода и смотрел на эту самую плитку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.